

5 [41]

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ
- МЫ УСТАЛИ НАДЕЯТЬСЯ
- ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ ПАРТИЯ
- ЭВАКУАЦИЯ ИЗ АФГАНИСТАНА: КОММУНИСТЫ – ВПЕРЕД
- ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЙ БУДДА
- ГЕЙДАР АЛИЕВ СЛЕЗАЕТ С КОНЯ
- СВОБОДНЫЙ РЫНОК – БАЗИС ДЕМОКРАТИИ
- ТУНЕЯДЕЦ КАРЛСОН И КОСМОПОЛИТ ЧЕБУРАШКА
- МЯСО ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
- ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ЮЛИАНА СЕМЕНОВА
- БЕРИЯ КАК ИСТОРИК
- ЛАГЕРЬ ДЛЯ АЛКОГОЛИКОВ
- СЭР ИСАЯ БЕРЛИН ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ
- ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

1987

СЕНТЯБРЬ · ОКТЯБРЬ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагги (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Вести из СССР	12
<i>Р.Бахтамов.</i> Это простое обстоятельство	19
<i>А.Алтунян, В.Недобра.</i> Главный враг перестройки	29
<i>М.Беляков.</i> Облегчить контакты между людьми. Что это значит?	31
"Наше молчание делает нас сообщниками погромщиков"	35
<i>А.Зверев.</i> Открывая чистую страницу	37
<i>Ю.Самодуров.</i> Осуществима ли перестройка совести?	45
<i>Аврагамов.</i> Искусство пережить	48
<i>Ф.Розинер.</i> О возрождении страны	50
<i>Г.Кашлинская.</i> Стройка и перестройка	60
<i>Г.Давыдов.</i> ЛТП	66
<i>В.Иофе.</i> "Покаяние"	73
<i>А.Антонов-Овсеенко.</i> Его книга	77
<i>Ли Шаомин.</i> Путь к свободе	84
Рецепт Деминга и японская перестройка. Беседа с М.Трайбусом	91
<i>Е.Гессен.</i> От Дня президента до Дня Советской Армии	96
<i>Д.Толмазин.</i> Теперь там так носят	100
<i>М.Поповский.</i> Гонорар за убийство	103
<i>Э.Уильямс.</i> Кризис гетто	107
<i>П.М.</i> Все не так просто	109
<i>И.Ефимов.</i> Стихи как отдых от философии	111
"Теперь меня там нет..." <i>Иосиф Бродский</i> — нобелевский лауреат ...	120
<i>Исайя Берлин.</i> Только прошлое что-то значит	121
<i>В.Войнович.</i> Виктор Платонович Некрасов	129
Из газет	135
<i>Ю.Колкер.</i> "Живут и исчезают человеки"	135
<i>О.Баталин.</i> Пока не требует поэта... ..	139
<i>Г.Андреев.</i> Скептицизм, основанный на точном анализе	142
<i>Р.Б.</i> Концы и начала	143

Das Land und die Welt e.V.
 Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany
 Tel. (089) 530514; telex 5218017 unbt d.
 Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
 Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

Владимир ВОЙНОВИЧ

ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ НЕКРАСОВ

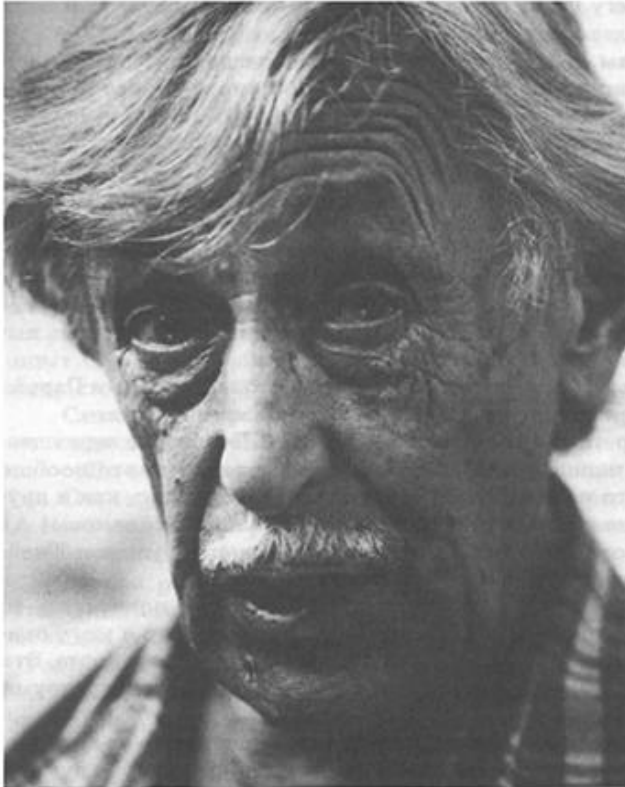

Фото М.Лемхина

Русскую литературу постигло большое горе: 3 сентября в Париже умер Виктор Некрасов, один из талантливейших современных писателей, отвергнутых неблагодарным отечеством.

В.П.Некрасов родился в Киеве в 1911 г., в предвоенные годы окончил архитектурный институт и театральную школу. Воевал, был участником Сталинградской битвы. В 1946 году Некрасов опубликовал свой первый роман "В окопах Сталинграда", выдержавший свыше 120 изданий на 30 языках. Затем последовал период длительного молчания. После смерти Сталина появились повести "В родном городе" (1954) и "Кира Георгиевна" (1961), путевые записки "По обе стороны океана" (1962), вызвавшие неудовольствие Хрущева, "Месяц во Франции" (1965). В 1972 г. Некрасов был исключен из партии (членом которой стал на фронте в 1944 г.), в начале 1974 г. работники КГБ похитили у него во время обыска все рукописи; в сентябре того же года писатель был вынужден эмигрировать. На Западе вышло еще несколько его книг, в том числе "Записки зевачи", "Маленькая печальная повесть", "Саперлиполет".

Виктор Платонович Некрасов был человеком и писателем удивительным и ни на кого не похожим. Его повесть "В окопах Сталинграда" в свое время была сразу и широко, официально и неофициально признана как самая сильная и правдивая книга о войне. Она и последовавшие за ней рассказы оказались не только большим литературным событием сами по себе, но повлияли — и значительно — на развитие всей советской военной прозы, а через нее и вообще на советскую литературу. Сам же Некрасов, будучи человеком исключительной честности, смелости и благородства, оказывал влияние на нравственный климат в литературной среде и за ее пределами; он был из тех, при ком стыдно врать, лицемерить, хвастаться, задаваться и вообще вести себя противоестественно. Я думаю, что о Некрасове еще много будет написано и по западную, и по восточную сторону разделяющей мир Берлинской стены, которую он ненавидел. Потому что теперь, после его смерти, он будет проходить как бы по другой графе у себя на родине, теперь его можно посмертно реабилитировать и даже поторговаться насчет перенесения его праха с парижского кладбища Сент-Женевьев и захоронения, допустим, в Бабьем Яру. Возможно, книги его будут вновь издаваться и даже изучаться в школах, как это было когда-то. Может, и я когда-нибудь напишу о книгах Некрасова и его общественной деятельности, но сейчас ограничусь отрывочными воспоминаниями о Некрасове — не писателе и не деятеле, а просто о человеке и друге.

Смерть пришла к нему в 76 лет. Срок немалый даже для нашего времени, когда средняя продолжительность жизни значительно возросла. Но он собирался жить дольше. Вот мое свидетельство.

В Париж он улетел 13 лет тому назад из Киева. А перед тем приезжал прощаться в Москву. В один из последних вечеров мы встретились в доме у общих наших друзей на Беговой улице, а потом шли пешком ко мне к метро Аэропорт по усаженной тополями средней части Ленинградского проспекта. По дороге Вика сказал:

— Володенька, я знаю, мы с тобой еще встретимся. Лет через двадцать ты приедешь в Париж, и мы будем гулять по берегу Сены, по всяким улочкам и закоулочкам. Я буду знать их уже хорошо.

Не скажу, чтобы мы были трезвы. И должно быть, по причине недостаточной трезвости меня потянуло на мелкое хулиганство. Напротив метро Динамо я увидел посреди дорожки мятую газету, поднес к ней зажигалку, и бумага вспыхнула.

Мы прошли еще сотню метров. Из-за дерева вышел милиционер.

— Что это вы там подожгли? — спросил он строго.

Я не успел ничего придумать.

— Это была дрянь, блевотина, — сказал Вика и всем своим видом изобразил отвращение к той пакости, которую мы вынуждены были предать огню. Объяснение показалось мне несколько странным, а милиционеру убедительным. Может быть, потому что поджигатели были хотя и разного возраста, но оба убелены сединами. Милиционер поблагодарил нас за заботу о чистоте города, а мы скромно ответили, что всего лишь выполнили свой гражданский долг. И пошли дальше.

— Через двадцать лет, Володенька, — продолжал Некрасов, — ты приедешь в Париж. Я буду еще жив. У меня здоровье крепкое и гены хорошие. Моя мама жила долго.

Мы оба еще не знали, что встретимся в Мюнхене и потом в Париже не через двадцать, а всего лишь через шесть с половиной лет, но представить себе, что это вообще может случиться, я тогда еще просто не мог. Это было так же невообразимо, как и другая поездка, которую мне предлагала совершить Викина мама Зинаида Николаевна.

— Володя, — наставляла меня она лет эдак 20 тому назад, — когда будете в Швейцарии, знайте, что из Женевы в Лозанну лучше всего ездить на велосипеде.

Вся большая компания, в присутствии которой это было сказано, покатила со смеху. Ни мне, ни кому другому не хватило воображения представления, что я могу оказаться в Швейцарии, да еще передвигаться там на столь домашнем виде транспорта. Это было так же немыслимо, как предложение прокатиться на велосипеде между двумя марсианскими городами.

Пройдут годы, я покину пределы отечества, и каждый раз, проезжая то на машине, то на поезде через Лозанну в Женеву, буду вспоминать Зинаиду Николаевну и думать, что для велосипеда расстояние, пожалуй, все-таки слишком велико.

Вика был старше меня на 21 год, поэтому его мама и моя бабушка по матери были примерно одного возраста: обеим было под девяносто. При этом они были очень друг на друга похожи, хотя происходили из совершенно разных сословий. Зинаида Николаевна была дворянских кровей, с заграничным образованием, а моя эта бабушка — из очень простой еврейской семьи (моя русская бабушка, тоже, кстати, дожившая до 96 лет, была иного происхождения). С возрастом Зинаиду Николаевну и мою бабушку одолел склероз, проявления которого были весьма схожи. Например, моя бабушка, когда я после долгого отсутствия появлялся с чемоданом, спрашивала меня, расплатился ли я с извозчиком. Зинаида Николаевна, засидевшись в гостях, беспокоилась в том же духе:

— Вика, как ты собираешься вызвать извозчика?

— Очень просто, мамочка, — отвечал Вика. — Я позвоню ему на конюшню, и он приедет.

Но их воспоминания молодости расходились по причине очень разного прошлого. Зинаида Николаевна много раз и с большим энтузиазмом рассказывала, как на студенческом балу не то в Женеве, не то в Лозанне студенты решили подшутить над студентками и насыпали им перцу в шиньон. А потом сами с этими студентками танцевали и сами же чихали и плакали. А моя бабушка воспоминаниям предавалась редко. Она, напротив, любила всех выслушивать. А выслушав, заключала, прихлопывая в ладоши:

— Так-сяк, сказал бедняк. — А потом, подумав, добавляла: — Гоп, чук-баранчук, зеленая гычка, люблять мэнэ панычи, що я нэвэлычка.

Мне очень хотелось старух как-нибудь свести вместе, что однажды и удалось. На взятой напрокат машине я привез Некрасова и его маму из Ялты в Керчь, где жили мои родители. Старухи сошлись вместе, и Зинаида Николаевна объяснила моей бабушке наиболее удобный способ передвижения из Женевы в Лозанну и с удовольствием рассказала историю с наперченными шиньонами. Бабушка моя тоже с удовольствием все это выслушала и сказала задумчиво:

— Так-сяк, сказал бедняк. — А потом, помолчав, продолжала, прихлопывая: — Гоп, чук-баранчук, — зеленая гычка..

Познакомился я с Некрасовым в 1962 году в редакции "Нового мира". Он был знаменитый, а я начинающий. Меня представил ему мой редактор и затем наш общий друг Игорь Александрович Сац. А потом Некрасов написал рекомендацию в Союз писателей, которая показалась мне лестной и странной. В рекомендации было обращено внимание на мое трудовое прошлое и выражалась уверенность, что пребывание в Союзе писателей такого человека "особенно — цитирую по памяти, — имеющего практический опыт, будет очень полезно".

— Что это значит? — спросил я Саца. — Как может быть полезен мой практический опыт Союзу писателей? Может быть, Некрасов думает, что я в Союзе писателей заодно буду столярничать?

Сац слегка смутился, но потом сказал, что содержание рекомендации не важно, важна подпись Некрасова.

— Но зачем же он пишет про практический опыт?

Сац смутился еще больше и признался, что рекомендацию писал не Некрасов, а он. А Некрасов сделать этого не мог, потому что единственной моей к тому времени повести не читал, а мой практический опыт был тоже ему неведом.

Второй раз мы познакомились, выпили (а как же!) и подружились в доме творчества в Малеевке в марте 1963 года. У нас у обоих в жизни произошли к этому моменту большие события. Я напечатал в "Новом мире" свои рассказы "Хочу быть честным" и "Расстояние в полкилометра", а Некрасов стал героем дня после ругани, обрушенной на него Хрущевым. На этот раз он мои рассказы прочел, хвалил, и я был польщен и счастлив. Потому что Некрасов был одним из двух-трех писателей старшего поколения, кого я читал и любил.

Между прочим, вот реакция народа на высочайший гнев. Из Малеевки Некрасов поехал в другой дом творчества — в Ялту. А его друг Григорий Поженян, временно переквалифицировавшись в кинорежиссера, явился в Ялту снимать фильм и жил в прибрежной гостинице. Как-то в этой гостинице Некрасов и Поженян сидели и, понятно, пили. Около двух часов ночи Некрасов потянулся к телефону вызывать такси.

— Вика, — сказал ему Поженян, — не беспокойся, я тебя отвезу.

Вышли на улицу. Ни одной машины. Наконец, появился милиционер на мотоцикле с коляской. Поженян поднял руку. Милиционер остановился.

— Слушай, друг, — сказал Поженян. — Добрось пьяного человека до дома.

От такой наглости милиционер просто опешил.

— Да ты что это говоришь! Да я вас сейчас обоих в вытрезвитель доброшу.

— Дурак! — сказал Поженян с упреком. — Кого в вытрезвитель? Ты знаешь, кто это такой? Это писатель Виктор Некрасов.

Милиционер подумал.

— Некрасов? "В окопах Сталинграда"? — Он посмотрел недоверчиво. — Это вас Хрущев ругал? Садитесь.

Он откинул клеенчатый полог коляски, и Некрасов был доставлен к дверям дома творчества с царскими почестями.

Другая история, похожая, произошла задолго до описанной.

В киевской пивной Некрасов повздорил с каким-то выпивохой. Вернее, тот с ним повздорил. И сказал так:

— Эх, дал бы я тебе сейчас, если бы ты не был похож на моего любимого писателя.

Несмотря на напряженность ситуации, Виктор Платонович поинтересовался, кто же этот любимый. И услышал свою собственную фамилию.

— Ну и чем дело кончилось, — говорил Вика, — ты понимаешь. Ба-альшой пьянкой.

Кажется, он никогда и ни в чем не выглядел слишком серьезно. Ходил всегда в пальто нараспашку, ворот рубахи расстегнут, в галстук его никогда не видел и не могу себе представить. На серьезные вопросы отвечал несерьезно. На вопрос литературной анкеты "как вы пишете?" ответил: лежа. А вообще, говорил он часто, я не писатель и писать не люблю. Я ему иногда верил, видя, как охотно уклоняется он от писания, как с готовностью шатается по улицам, несется на край города, на край страны, на край света. Советский Союз он изездил вдоль и поперек, а потом, когда стало возможно, без усталости носился по всему миру: Америка, Австралия, Япония. Когда ж при такой жизни писать? А вот писал же, и теперь, если все написанное им издать, получится солидное собрание сочинений.

Ненавидел все запреты. На мой вопрос, как ему удается не толстеть, сказал: "Держу диету. Побольше жиров, побольше углеводов и побольше холестерина. Обожаю свежие булочки с маслом. И алкоголь в умеренном количестве тоже очень рекомендую". Он ненавидел всякие надписи вроде "не курить", "не входить", "ногами не становиться". Как только их видел, так немедленно закуривал, входил и становился ногами.

Я думаю, что его жизнь никак не могла сложиться иначе. Потому что он жил в обществе, где были свои, очень определенные правила поведения, которые он нарушал постоянно. Мне рассказывали наши общие друзья, что при первом знакомстве еще в сталинские времена он сразу наговорил такого, что они отнеслись к нему с большим подозрением. А все потому, что вел себя необычно. О советской власти высказывался в любом обществе в такой форме, что слушатели иногда цепенели от страха. Совершенно не умел и не хотел пользоваться принятым в писательской среде языком намеков, особенно по телефону. Хотя иногда пытался.

О свержении Хрущева он узнал в Киеве раньше, чем его друзья в Москве. Он позвонил им по телефону и, памятуя, что говорить надо шифром, сказал, что прогнали лысого. Друзья продолжать разговор опасались, но очень уж было любопытно.

— А кто вместо него? — спросили они осторожно.

— А вместо него двое, — сказал Вика. — Первый Бровман (так на нашем языке именовался бровастый Брежнев), а второй... второй... — Вика подумал, — а второй Косыгин.

Перед моей первой и единственной туристической поездкой на Запад, в Чехословакию, я позвонил Вике в Киев.

— Володенька, — закричал он в трубку. — В Праге обязательно зайти к Антончику. Ты знаешь, Антончик это такой парень, такой парень, советскую власть ненавидит так же, как мы.

Признаться, я думал, что после такой рекомендации меня, по крайней мере, снимут с поезда. Обошлось.

Он никогда не пыжился и не думал, что сейчас своим словом научит все человечество, как надо жить. В отношениях со всеми был ровен и демократичен, не в политическом и не в общественном смысле, а просто в человеческом. Он любил, когда его называли по имени-отчеству. Все его товарищи, которые были гораздо моложе, и даже дети называли его Викой. Но вот начальству это не позволялось, и когда министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева назвала его Викой, он тут же ее оборвал:

— Если вы не будете ко мне обращаться по имени-отчеству, я буду называть вас Катей.

Вика любил рассказывать и показывать, как министр опешила, смутилась, покраснела и пролепетала:

— Ну что ж, мне это будет только приятно.

Некрасов много пил, но для него это было не просто пьянство, а собутыльничество, момент общения, открытия души с друзьями близкими или случайными, которые на время пьянки становились как будто близкими. Эти пьянки были частью его жизни, причем частью ему весьма дорогой. Так же, как и Твардовскому, который пьяниц считал лучшей частью человечества, но с горечью признавал, что (цитирую) "даже среди пьющих попадаются плохие люди". Когда в Советском Союзе началась борьба с алкоголизмом, Некрасов уже с Запада откликнулся на нее вдохновенным гимном пьянству с друзьями или с одним другом. Это не просто пьянство, говорил он, а разговор, пусть невнятный, но сокровенный. Разговор, продолжающийся ночь напролет. Когда бутылка постепенно пустеет, комната темна от табачного дыма, а размокшие окурки плавают в тарелке с обсосанными селедочными хвостами. А для полноты ритуала надо, чтобы водки обязательно не хватило. Чтобы потом бежать куда-нибудь в ночь к таксистам, к полусонным ресторанным швейцарам. Чтобы втридорога купить очередную бутылку и опять туда, в ту же задымленную комнату, к тому же столу, к той же тарелке с размокшими окурками.

Может быть, я говорю слишком много о том, как он пил, но мне без этого обойтись трудно, потому что трезвым я его почти никогда не видел. В этом нет ничего оскорбительного для его памяти (и он сам, я уверен, не оскорбился бы), потому что видел я его в часы общений со мной и с другими, общений, которые без "ста грамм" были просто непредставимы. А когда он работал, я его, понятно, не видел. А сам он об этом, если и говорил, то только в том духе, что он человек ленивый и вообще не писатель, пишет неизвестно для чего, время от времени. Кто видел его жизнь со стороны, мог бы и поверить. То пьет, то опохмеляется, то встречает кого-то, то провожает, то путешествует, ложится к утру, встает к полудню, читает от корки до корки "Правду" и "Фигаро", шатается по книжным развалам, пивнушкам, картинным галереям, улочкам и переулочкам. А теперь, когда он помер, я стал считать, сколько он книг написал, и сам себе не поверил.

В отличие от анекдотического чукчи он был не только писатель, но и читатель, и читатель настоящий, благодарный (хотя утверждал, что ничего не читает). Раньше его любимой книгой были "Три мушкетера", потом рассказы Шукшина, с которыми он, по его словам, не расставался. Он всегда радовался появлению новых имен, радовался, когда открывал для себя новое, интересное, близкое. В России, я знаю, так было с Вячеславом Кондратьевым, здесь — с Сергеем Довлатовым. В последние годы предпочитал читать мемуары. С восторгом говорил о мемуарах Петра Григоренко и Евгении Гинзбург. Причем всегда начинал одинаково: "Ты знаешь, я толстых книг не читаю, но эту прочел и..." И сообщал о физиологическом конфузе, якобы с ним случившемся в результате испытанного восторга. Романы, впрочем, тоже читал: "Ты знаешь, я прочел Гроссмана и..." Конечно, опять случилось с ним то же самое. "Вот про меня говорят, Некрасов, правда о войне, правда о Сталинграде. Володенька, вот она правда о Сталинграде! И надо же! Я же с ним встречался, но я не знал, какой это писатель!"

Когда я с ним говорил последний раз по телефону (недели за две до его смерти), он сказал, как бы самому себе удивляясь: "Как ты думаешь, что я сейчас перечитываю? "Одноэтажную Америку"! И ты знаешь, что случилось?" Я, конечно, знал, что случилось.

Были времена, когда общаться с Некрасовым было лестно и "престижно". Тогда он окружен был тучей друзей. Когда настали трудные времена, многие из них стали шараться от него, как от чумы. А он, к моему удивлению, оказался всепрощенцем. Он даже порывался выпить с двумя кагебешниками, устроившими у него в киевской квартире обыск. Они умилили его своей вежливостью, тем, что не разрешая ему выйти из дому, прогуливали его собачку, и к тому же оба оказались тезками (Витями). А друзьям, которые шарались, легко все простил, и изо всех мест, где бывал, звонил по телефону, слал открытки с диковинными видами, не упускал случая передать в Москву, в Киев, в Ленинград кому-нибудь что-нибудь, а когда друзья в процессе "перестройки" стали появляться в Париже, бежал сломя голову к ним на встречу.

Теперь в Советском Союзе сделаны первые шаги к его реабилитации. Сделаны, конечно, как всегда, слишком поздно. Но все-таки перед самой смертью он прочел о себе в "Московских новостях" добрые слова Вячеслава Кондратьева. И уже не прочел некролог, подписанный, кроме Кондратьева, Булатом Окуджавой, Владимиром Лакшиным и Григорием Баклановым. Некролог этот, с одной стороны, вызвал большое неудовольствие Егора Лигачева, но и с другой стороны, некоторых (например, меня) тоже полностью не удовлетворил. В некрологе сказано достаточно много: "Автор повести "В окопах Сталинграда", офицер саперного батальона, он стоял у истоков правдивого и честного слова в нашей литературе о войне..."

Но тут же и ложка дегтя, словно в песню Окуджавы вставили куплет из Долматовского: "...его отъезд за границу и некоторые выступления там в первые годы его эмиграции отделили его от нас..."

Я не с луны свалился, и советские правила игры мне известны. Я знаю, что без таких оговорок имя Некрасова в советской газете никак не могло появиться. Скрепя сердце, я готов согласиться, что такой некролог лучше, чем никакой. Но поскольку за пределами советской юрисдикции у нас нет никаких причин искажать истину, я напомню, что за границу он был выпихнут насильно. Выпихнут за то, что выступал против произвола и совершал поступки, на которые и сейчас ни один из членов Союза писателей, включая самых отчаянных правдолюбцев и защитников природы, не способен. Признанный русский писатель, он в 1966 году организовал митинг памяти погибших в Бабьем Яру евреев, выступил в защиту Синявского и Даниэля, Сахарова и Солженицына, писал резкие письма по поводу психиатрических репрессий профессору Снежневскому (и тот, судя по одному из жалких ответов, чувствовал себя неуютно), вступался за многих, многих людей, именитых и безымянных.

В некрологе добавлена и вторая ложка дегтя, что, конечно, все хорошее написано Некрасовым между 1946 и 1974 годами, то есть на родине, а уж потом (иначе ведь и не бывает!) ничего интересного он не написал. С сожалением замечаю, что некоторым нашим коллегам (а не только казенным пропагандистам) очень уж хочется утвердиться в нехитром убеждении, что за границей писатель неизбежно кончается. Это вранье, опровергнутое жизнью неоднократно. Хотя бывает по-всякому. Шолохов, например, всю жизнь к родимым ковылям припадал, а после "Тихого Дона" (предположим, он его не украл), за сорок с лишним лет, не выдал из себя ни одной живой строки. У Фадеева или Федина вся главные достижения (их достоинства советской критикой тоже сильно преувеличены) остались в ранней молодости, а потом — постепенный или непостепенный спуск под гору. Ну, а вот, скажем, Куприн вернулся на родину, и что он там написал?

Я тоже считаю "В окопах Сталинграда" самой значительной книгой Некрасова, но это не мешает мне любить и другие его книги, повести, рассказы и путевые очерки, написанные по обе стороны Стены. И "В родном городе", и "Саперлипопет", и "Киру Георгиевну", и "Маленькую печальную повесть", и "Записки зеваки", начатые на родине и продолженные в эмиграции. Здесь он издал много книг, но вошло в них тоже не все им написанное. У него есть по крайней мере два первоклассных рассказа, которые по непонятным мне причинам он до самой смерти не напечатал. А еще один жанр, и вовсе в книгах не уместившийся, это его беседы, с которыми он регулярно выступал по радио "Свобода". Эти беседы "обо всем", вольные, безыскусные, полные юмора или горечи, или того и другого, всегда отличались таким обаянием, что не зря знакомые мне москвичи послушать их выезжали за город, где не так досаждают глушилки.

Нет, писатель Виктор Некрасов не кончился в 1974 году. Он писал до самой смерти и во всех своих книгах оставался самим собой, талантливым, правдивым и честным. А еще он был верным другом, задушевым собеседником, добрым человеком, был одним из тех редчайших людей, кого принято называть совестью народа.

Письмо Владимира Войновича в редакцию журнала «Страна и мир»,

опубликованное в № 6 (42), 1987 г., стр. 138

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

По вине компьютера, очевидно, склонного к употреблению ласкательных суффиксов, в мои воспоминания о В.П.Некрасове ("Страна и мир", № 5/41) вкралась и распространилась по всему тексту коварная опечатка. Из текста можно сделать вывод, что Виктор Платонович называл меня "Володенька". К сожалению, это не так. Подобными суффиксами покойный пользовался даже реже, чем галстуком. Своих друзей мужеска пола он обычно называл Симками, Генками или Васьками, а меня соответственно — Володькой. Данная поправка вовсе не означает, что такое обращение ко мне позволено и другим.

Владимир Войнович